

«Перед революцией»: историографический ревизионизм и проблема События

МИЛЛЕР А. И., СОЛОВЬЕВ К. А. (РЕД.). (2021). РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ МЕЖДУ РЕФОРМАМИ И РЕВОЛЮЦИЯМИ, 1906–1916. М.: КВАДРИГА. 789 С. ISBN 978-5-91791-383-4

Игорь Кобылин

Доцент кафедры социально-гуманитарных наук,
Приволжский исследовательский медицинский университет
Старший научный сотрудник, Научно-исследовательская лаборатория
историко-культурных исследований, Школа актуальных гуманитарных исследований,
Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Адрес: пл. Минина и Пожарского, д. 10/1, г. Нижний Новгород, Российская Федерация 603005
E-mail: kigor55@mail.ru

Уже название вводной статьи — «Российская империя между реформами и революциями — историографическая инерция и необходимость ревизионистского подхода», — написанной соредакторами рецензируемой коллективной монографии А. И. Миллером и К. А. Соловьевым, недвусмысленно говорит о главной задаче книги. Действительно, большинство глав этой объемной, чрезвычайно насыщенной и скрупулезной работы посвящены более или менее радикальному *пересмотру* устоявшихся историографических подходов к последнему десятилетию существования империи, завершившемуся революционными событиями 1917 года и крахом «старого порядка». В первую очередь ревизии подверглось представление о «закономерности» (если не «неизбежности») революции, характерное прежде всего для советской историографии. Тем самым книга вписывается вроде бы в общий тренд «контрреволюционной» ревизионистской литературы — в диапазоне от уже имеющего собственную историю перепрочтения событий и итогов Великой французской революции в духе Алена Коббэна и Франсуа Фюре до относительно недавних исследований в области истории науки, ставящих под сомнение «революционность» нововременной научной революции¹.

Однако внешнее сходство оказывается обманчивым: ревизионизм ревизионизму рознь. Стандартная ревизионистская стратегия направлена, как правило, на то, чтобы лишить событие революции его травматической «событийности» — нет, никакого разрыва с прошлым на самом деле не произошло, и речь — если не

1. «Наше понимание науки XVII века за последние годы сильно изменилось, и уже нельзя пользоваться термином „научная революция“ так же беспрепятственно, как и прежде. <...> Многие историки в наши дни не считают, что было какое-то отдельное обособленное событие, которому отводится конкретное время и место, и что его характеристики — характеристики единой революции» (Депар П., Шейтин С. [2015]. Научная революция как событие / Пер. с англ. А. Маркова. М.: НЛО. С. 318).

слишком доверять пафосным декларациям действующих лиц — должна идти не о Событии, а о событиях, каждое из которых контекстуально обусловлено.

Хорошей иллюстрацией здесь может послужить популярная книга Д. Ю. Бовыкина и А. В. Чудинова «Французская революция» (2020), подытоживающая поздний вклад российской исторической науки в ревизионистскую историографию падения *ancien régime*. Революция тут не просто не является закономерной и необходимой — она «рассеивается» как таковая, теряет свое сущностное ядро, распадаясь на серии относительно небольших сдвигов и мутаций. И никак нельзя определить, какой именно сдвиг оказался роковым. Вместо глобальных причин глобального исторического взрыва — последовательность точек бифуркации, «развилки», где совокупность неверных, по мнению авторов, решений приводит к углублению имеющихся конфликтов и общей эскалации насилия. Если бы аристократия была чуть более политически дальновидной и не противодействовала бы налоговой реформе, если бы юный Людовик XVI не отменил реформу Мопу, если бы Филипп Орлеанский и его масонское окружение менее активно влияли на общественное мнение через посредство продажных памфлетистов, если бы уже не очень юный Людовик не отвел войска из Парижа после «взятия Бастилии» и не принял бы во время посещения Ратуши от членов Постоянного комитета красную голубую кокарду, добавив к ней королевский белый цвет, если бы... — и так далее: вся история в книге строится как переход от одной «развилки» к другой. Революция как великий водораздел между феодальным абсолютизмом и демократической (и капиталистической) современностью — это не более чем символический, если не мифологический, конструкт: «...Хотя Революция зачастую воспринимается как радикальный разрыв с прошлым, она по многим направлениям продолжала, углубляла и даже усугубляла то, что было характерно для Старого порядка»².

Здесь не ставится вопрос, насколько продуктивен такой подход к истории Революции 1789 года — эта проблема требует отдельного большого обсуждения. В рамках же нашего разговора важно зафиксировать принципиальное отличие ревизионистского хода Бовыкина и Чудинова от того, что был предпринят авторами «Российской империи...». Чтобы «отвязать» изучаемый период от уже известного нам, но еще не известного жившим тогда людям катастрофического финала и тем самым попробовать посмотреть на исторический отрезок между 1905 годом и 1917-м вне привычной «телеологической» оптики, они вообще вынесли событие революции за пределы рассмотрения. «Предреволюционное» время перестало быть таковым в концептуальном смысле — теперь это не более чем хронологическая метка. Вместо «объективных тенденций», неотвратимо ведущих — несмотря на обреченное сопротивление господствующих классов — к революционной ситуации, историки сталкиваются со сложно структурированным «открытым целым» позднеимперской реальности, где переплеталось множество противоречивых «тенденций», предполагавших самые разные сценарии будущего.

---

2. Бовыкин Д., Чудинов А. (2020). Французская революция. М.: Альпина нон-фикшн. С. 436.

Понятно, что у редакторов/авторов монографии есть и собственные политико-идеологические ставки — критика откровенно ангажированных нарративов советского или, напротив, (бело)эмигрантского лагеря не избавляет от необходимости политического оценивания обнаружившихся в дореволюционном прошлом альтернатив. Открыто политическая позиция авторов не формулируется — это, наверное, и не нужно для сугубо научной работы — но некоторая общая политическая ориентация тем не менее прослеживается довольно четко. Это ориентация на неревolutionную модернизацию экономики и, соответственно, постепенную, эволюционную модернизацию общественных и политических отношений. И неудивительно, что особый интерес здесь вызывает фигура Столыпина — Миллер и Соловьев так, например, описывают его модернизационные усилия: «Они [стольпинские преобразования. — И. К.] — вопреки интеллектуальной традиции, привычкам мыслящей публики — вовлекали в модернизационные процессы большинство населения, придавая тем самым развитию новое ускорение. <...> Самый важный аспект стольпинской аграрной реформы — не землеустройство, не деятельность Крестьянского банка, не переселенческая политика... а возможность выбора, впервые предоставленная крестьянину» (с. 13–14).

Безусловно, у каждого из двадцати авторов — свой, отличный от других, взгляд на эту модернизацию, но в общем и целом «антиреволюционный консенсус» наличен: по отношению к революции здесь так часто употребляется термин «катастрофа», что никаких сомнений в авторской оценке этого события не остается³. При этом устанавливается своего рода констелляция между дореволюционным прошлым и актуальным «неревolutionным» настоящим. Со времен Вальтера Беньямина мы привыкли именно к революционным «схождениям времен» и «тигриным прыжкам в прошлое». Здесь же — если с некоторой долей условности реконструировать интенцию авторов — мы сталкиваемся с инверсией беняминовских тезисов: когда история долгое время существует в турбулентном режиме мессианской эскалации, особой ценностью наделяются (краткие) моменты, таящие возможность мирной эволюции внутри «пустого и гомогенного времени».

Конечно, можно спорить с такой установкой в целом или не соглашаться с отдельными положениями, но нельзя не признать ее правомочность. Однако и «композиционное» решение вынести революцию за скобки, и подчеркивание ее «катастрофичности» вкупе с «роковым» характером последствий производит странный эффект, едва ли планировавшийся авторами. Революция здесь не только не «рассеивается», но, напротив, «собирается» в Событие с большой буквы, в Событие «незаконное», немотивированное, неконтекстуализируемое, иными словами — в Событие *par excellence*. Но обо всем по порядку.

«Российская империя...» состоит из уже упоминавшегося введения и четырех больших разделов — «Политическая сфера», «Национальный вопрос», «Армия»

---

3. Конечно, революция объективно была катастрофой для Российской империи как государства, но слово «катастрофа» обладает настолько мощной экспрессивной силой, что его частое употребление как бы наделяет «катастрофичностью» революцию в принципе.

и «Наука, техника, экономика»⁴. Таким образом, масштабному историографическому пересмотру подверглись практически все аспекты жизни Российской империи, и результаты этого пересмотра действительно позволяют нам по-новому взглянуть на ее последнюю декаду.

Так, А. И. Миллер в статье «Национальный вопрос в империи Романовых после 1905 г. — методологические проблемы», открывающей соответствующий — «национальный» — раздел, ставит под сомнение привычное противопоставление наций-государств империям. Отталкиваясь от пионерской работы немецкого историка Юргена Остерхаммеля «Трансформация мира»⁵, убедительно показавшего, что в XIX веке национализирующиеся государства на окраинах одних — разваливающихся — империй развивались под опекой других — куда более могущественных, Миллер настаивает на том, что у России, несмотря на все трудности, была возможность сочетать имперский рост и национальное строительство. Причем это было бы движением в русле «доминирующей тенденции предвоенной Европы». В деле построения большой имперской нации Россия «несколько запаздывает... и не всегда столь же настойчива в этой политике, как Франция, Германия или, например, Венгрия после 1867 г. Однако в число „двоечников“ в классе строителей имперских наций Россия точно не входила» (с. 253).

В разделе, посвященном армии, особое внимание привлекает статья В. В. Лапина «Армия и флот России в 1906–1916 гг. Был ли развал вооруженных сил империи в 1917 г. заложен в предреволюционные годы?». Вопреки расхожему мнению Лапин доказывает, что не «брожения» в армии и проблемы на фронте привели к падению государства, а, напротив, «сначала рухнула политическая система, шатанию подверглись „устой государства“, и уже затем армия и флот перестали существовать как дееспособная машина организованного насилия, но перед этим они уже более года не были „царскими“» (с. 348).

Материалы раздела «Наука, техника, экономика» неоспоримо свидетельствуют о мощном экономическом росте империи. Согласно исследованию М. А. Давыдова, аграрная реформа Столыпина подорвала архаический патернализм крестьянского мира и открыла все возможности для мирного и одновременно чрезвычайно быстрого экономического развития «аграрного сектора», развития, основанного на массовой частной собственности крестьян и строго правовых форм регуляции отношений между ними. Эта реформа недвусмысленно показывает «возросший класс правительственной деятельности» (с. 451). Д. Л. Сапрыкин, написавший для монографии две обстоятельные статьи о российской промышленности, приходит к выводу, что промышленное развитие России вполне сопоставимо с аналогичным развитием Британии и Германии. Сталинский тезис о «полукOLONIALной»

---

4. Кроме того, поскольку монография представляет собой итоговый результат конференции, проходившей в Европейском университете в Санкт-Петербурге в мае 2017 года, в книгу включены и расшифровки секционных дискуссий.

5. *Osterhammel J.* (2014). *The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century*. Princeton: Princeton University Press.

зависимости дореволюционной экономики от западного капитала и, соответственно, об «иностранном засилье» в ней — не более чем идеологический миф, призванный подчеркнуть успехи советской индустриализации. Важно, что промышленные достижения империи стали возможны благодаря широкой — и постоянно развивавшейся — научно-технологической сети. «Трансфер технологий» шел в обе стороны — да, российские предприятия довольно часто приобретали патенты и оборудование (или даже инженерно-технические услуги) у таких крупных компаний, как Vickers, Krupp, Schneider; но был и обратный процесс: российские специалисты — и это тоже далеко не единичные случаи — в свою очередь оказывали технологические услуги ведущим зарубежным компаниям. Сапрыкин так резюмирует свои исследования: «Российская империя на протяжении по крайней мере двухсот лет (с XVIII в.) обладала одной из крупнейших в мире промышленных систем. Русская инженерная школа также была одной из старейших и сильнейших в мире. Наконец, сеть прикладных и промышленных исследований в Российской империи возникла раньше, чем в большинстве других стран, и была одной из наиболее крупных и активных в мире» (с. 485). В общем, судя по всему, короткое затишье между двумя революциями действительно оказывается эпохой расцвета — и полноценная банковская система успела сложиться к 1914 году (С. А. Саломатина), и медицина, несмотря на все проблемы с организацией здравоохранения (особенно в деревне), соответствовала мировому уровню (А. В. Мазаник), и географическая мобильность благодаря второму железнодорожному буму (1890–1907 гг.) возросла многократно (Ф. Б. Шенк).

Отдельно — и несколько более подробно — стоит рассмотреть раздел «Политическая сфера»: обычно именно политическая событийность и идеологические противостояния являются предметом особенно острых общественных дискуссий — а сегодня споры (о) «красных» и «белых» не только не утихают, но становятся, кажется, все более ожесточенными. Раздел открывают две статьи К. А. Соловьева, посвященные различным аспектам работы представительных учреждений и их взаимодействию с правительством. В первой из них Соловьев делает важное методологическое уточнение — вынесение за скобки революции 1917 года и всей последующей истории не должно означать для историка полного забвения ни того, ни другого. Изучая общественно-политические дискуссии 1905–1917 годов, нужно избежать соблазна принять в них участие, пользуясь бывшими тогда в ходу категориями и аргументами. От привилегии знания «того, что было после» не стоит отказываться, в то время как от «публицистических клише» эпохи отказаться не только можно, но и нужно — как бы ни хотелось «вжиться» в изучаемый период, аналитическая работа с ним предполагает применение и современного интеллектуального инструментария.

Более того, часто нынешние споры, продолжающие полемические схватки вековой давности, исходят, по определению Соловьева, из «ложной посылки». Так, например, не имеет смысла спорить о том, можно ли считать Россию после революции 1905 года конституционной монархией или нельзя — этот вопрос не за-

висит от личных вкусов и оценок. Статья 86 Основных государственных законов 23 апреля 1906 года недвусмысленно ограничивала власть императора, превращая тем самым Россию в самую настоящую конституционную монархию. Да, полномочий у Государственной думы было меньше, чем у парламентов Британии или Франции, но это отнюдь не делало ее чистой декорацией, лишь маскирующей самодержавный характер императорской власти. Российская конституционная модель, напоминая немецкую, была вполне жизнеспособна. Хотя император оставался подлинным сувереном, то есть мог выходить за границы права, накладывая вето на любой законодательный акт, прибегать к применению чрезвычайного-указного права, в реальности «нормой... оказывалось следование рутинным правилам законотворчества, подразумевавшим непосредственное участие представителей учреждений» (с. 25).

Описывая сложные взаимодействия между Государственной думой, Государственным советом, правительством и императором, Соловьев ставит под сомнение целый ряд устоявшихся представлений о работе этих инстанций власти. Так, вопреки распространенному мнению Государственный совет, состоявший из весьма компетентных чиновников и потому являвшийся квалифицированным экспертным сообществом, не был «агентом» правительства, призванным всячески тормозить работу Думы. Будучи, как пишет Соловьев, «трудным партнером» и для правительства, и для Думы, он довольно часто соглашался с законодательными инициативами последней.

Дума, несмотря на ограниченную сферу компетенции, была, с одной стороны, хорошей школой публичной политики, а с другой — важной площадкой для межпартийного сотрудничества в конкретной законотворческой деятельности. Причем обе эти — по видимости, противоположные — стороны были равно необходимы для становления в России нормальной парламентской политической жизни. Политическая риторика, приемы аргументативной полемики, ораторские уловки отрабатывались на пленарных заседаниях, рассчитанных на внимание журналистов и, соответственно, всей читающей публики. А вот думские комиссии, где требовались хорошее знание конкретных реалий, юридическая и экономическая квалификации, умение договариваться и идти на компромиссы, стали незаменимой платформой для того, чтобы научиться слушать друг друга и принимать консолидированные конструктивные решения: «В ходе комиссионной работы многие политические разногласия между фракциями часто сходили на нет. <...> Даже трудовики, представлявшие крайне левый фланг палаты, демонстрировали способность к конструктивной работе, к диалогу с непримиримыми соперниками, как могло казаться» (с. 34).

Во второй статье Соловьев подробно анализирует выборы, чью роль в формировании коллективных идентичностей подданных трудно переоценить; избирательные кампании и то, что сегодня называлось бы «выборными политическими технологиями». И вновь получившаяся картина довольно далека от привычной. Во-первых, при всех — очень существенных — ограничениях выборных прав,

определенные положениями о выборах (и 1905, и 1907 года) представительство можно считать достаточно демократическим. Соловьев отмечает, например, что нигде в Европе крестьяне не были представлены в законодательных учреждениях в таком большом количестве. Во-вторых, представление о том, что все выборы полностью контролировались властями, необходимо отставить — поначалу правительство вообще пустило избирательный процесс на самотек. Но даже когда стало ясно, что не стоит автоматически полагаться на лояльность крестьянства, предпринятые властями усилия (порой весьма энергичные⁶) оказались явно недостаточными: «...ни в одной из Дум так и не сложилось стабильного проправительственного большинства, зато порой формировалось оппозиционное» (с. 79). Поскольку правительство плохо представляло себе избирателей, а те, в свою очередь (особенно крестьяне), — слабо разбирались в политических процессах и институтах, результаты выборов всегда оставались непредсказуемыми.

К трудным, но мирным электоральным процессам оказались не готовы и партии, в массе своей сформированные на волне революционных событий 1905 года. Партиям посвящены три статьи коллективной монографии: Ф. А. Гайда написал о судьбе либеральных партий, А. А. Иванов — о русских правых, а П. Ю. Савельев — о социалистических партиях. К сожалению, формат рецензии не позволяет проследить все перипетии партийной политики, дотошно проанализированные в этих статьях. В качестве общего вывода, в той или иной степени касающегося большинства партий самых разных направлений, стоит процитировать следующий фрагмент из введения Миллера и Соловьева: «Вопреки многочисленным прогнозам и ожиданиям, революционная волна сошла на нет, а партии остались напоминанием о ней. Политическим объединениям приходилось искать *modus vivendi*. Для большинства из них это было невыносимое испытание... И все же это не было концом политической и даже партийной жизни. Она приняла иные формы. Сокращавшиеся в численности партийные организации, и прежде всего их лидеры, учились прагматизму, умению ставить и решать тактические задачи, искусству сотрудничества с правительственными учреждениями и общественными объединениями» (с. 10). В общем, несмотря на все трудности избирательного процесса и партийных постреволюционных трансформаций, публичная политика и — детально проанализированная в статье А. С. Тумановой — публичная сфера в целом имели в России неплохие перспективы для дальнейшего продуктивного развития.

Наконец, необходимо остановиться на еще одном существенном аспекте политической жизни — аспекте, затронутом в небольшой статье А. А. Тесли «Автономизация: об одной из тенденций в интеллектуальной жизни последнего десяти-

---

6. В этом плане особенно показательны «выборные политтехнологии» будущего главы МВД, а на момент описываемых событий нижегородского губернатора Алексея Николаевича Хвостова: «Хвостов назначил выборы на 8 часов утра. При этом накануне дал указание полицмейстеру развести поутру мосты через Оку и занять все лодки до 10 часов утра. Тем самым была изолирована заречная часть Нижнего Новгорода, где преимущественно проживали рабочие. „Напрасно они метались по берегу и звали лодочников. В 10 часов стали появляться лодки, начали наводить мосты. Выборщики бросились в город, но оказалось поздно. Выборы уже были закончены...“» (с. 78).

тилетия Российской империи». Что за автономизация имеется здесь в виду? Тесля показывает, что в исследуемый период происходит зримая дифференциация интеллектуальной жизни: «единство мировоззрения», которому (анти)революционные активисты придавали такое большое значение, перестает быть безусловной ценностью. Определенные политические взгляды больше не находятся в неразрывной связи с якобы единственно соответствующими им философией и взглядами на искусство. «Культурный расцвет Российской империи последних полутора десятилетий ее существования имеет одной из своих сторон возрастание культурной, интеллектуальной сложности — то есть многомерность и одновременно частичную автономию разных сред, возможность взаимодействия между собой по конкретным основаниям (например, общности философских или художественных представлений), не предполагая единства в других» (с. 248). Важно, что здесь подразумевается своего рода «час прочитываемости» этой сложности — не любая эпоха может ее оценить: во времена борьбы полярных мобилизационных идеологий такая «многомерность» истолковывается — с обеих сторон — скорее как «декаданс», «упадок», ну или в лучшем случае — как «отклонение».

В общем и целом вывод из прочитанного очевиден — Россия отнюдь не катилась в «революционную бездну», как бы к этой «бездне» ни относиться — с восторгом или ужасом. Напротив, это была динамически развивающаяся (пусть неравномерно и «асинхронно») страна, где, конечно, ускоренная модернизация порождала новые конфликты, но ни один из этих конфликтов не вел с «железной необходимостью» к революции. Революционные события 1917 года — это плод «рокового» стечения конкретных обстоятельств, а не результат неумолимой работы «крота истории», медленно, но верно готовящего «революционную ситуацию». Наверное, другие историки, профессионально занимающиеся периодом 1905–1917 годов, оспорят какие-то отдельные положения монографии, предложат другие интерпретации изложенных здесь фактов или обнаружат новые архивные документы, которые поменяют наши представления о том или ином историческом эпизоде. «Российская империя...», безусловно, не столько закрывает тему, сколько начинает новый разговор о ней. Но даже если — не будучи специалистом-историком — согласиться с основными выводами монографии, возникает странное ощущение, что этот гимн «России, которую мы потеряли» звучит довольно тревожно. Действительно, поставить под сомнение закономерность революции означает одновременно поставить под сомнение и видимую надежность порядка, который вдруг неожиданно оборачивается революционным хаосом. Ревизионистский жест предполагает симметричный ответ: пробравшаяся на историческую сцену контингентность дестабилизирует ситуацию в целом. В терминах несколько подзабытой за модными разговорами о «нечеловеческих агентах» теории События Алена Бадью это можно описать так — любая, даже самая «надежная» с виду ситуация чревата внезапным образованием «событийного разреза», промельком «невозможной» возможности. И всегда может найтись (неучтенная) политическая сила, которая этой возможностью воспользуется, проявив достаточно упорства в вер-

ности открывшейся перспективе. И тогда событие превратится в Событие, а текущие конфликты — в сверхдетерминированный Конфликт. Неутрачивающая тревога охранителей, равно как и вечная надежда революционеров, более чем оправданы: «ситуация» никогда не станет настолько стабильной, чтобы полностью исключить «событийную» констелляцию обстоятельств. И «Российская империя...» это только подтверждает.

И последнее замечание — хотя последнее оно скорее по порядку изложения, чем по значимости затрагиваемой проблемы. Как и почти во всех случаях, когда в тексте очевидна сознательно устроенная переключка времен — нечто вроде ауэрбаховской «фигуры», связывающей различные исторические события, здесь не только настоящее позволяет заметить в прошлом то, что оно само в себе не замечало, но и наоборот, прошлое существенно проясняет настоящее. Это звучит как банальность, но слишком часто мы не распознаем в текущей политике реакцию — может быть и не всегда до конца осознанную в качестве таковой самим реагирующим — на преподанный историей урок. Поясняя смысл «фигуральной интерпретации», Ауэрбах писал, что она «устанавливает связь между двумя событиями... таким образом, что первое из них означает не только самое себя, но и второе, в то время как второе объемлет и исполняет первое»⁷. И мы видим, как крепнущее убеждение в «незакономерности» всякой революции заставляет нынешнюю власть (помнящую и о своих собственных революционных основаниях) постараться «исполнить» то, что не исполнила когда-то власть царская — как можно быстрее ликвидировать любое — пусть только едва намечившееся — «событийное» пополнение ситуации. Там, где посторонний наблюдатель видит лишь избыточный ответ на вроде бы ничтожный вызов, умудренному историческим опытом взгляду открывается невротичная истина сегодняшнего охранительства — даже незначительная «прореха» чревата катастрофическими последствиями. А поскольку и противоположная — «революционная» — сторона все меньше ссылается на законы истории и делает все большую ставку на счастливый случай, политика, кажется, вновь превращается в азартную игру *virtù* и *fortuna*. И все последствия этого рефлексивного превращения нам еще предстоит оценить.

---

7. Auerbach E. (1984). *Scenes from the Drama of European Literature*. Minneapolis: University of Minnesota Press. P. 53.

“Before the Revolution”: Historiographic Revisionism and the Problem of Event

Igor Kobylin

PhD, Associate Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Privolzhsky Research Medical University (PRMU)

Senior Research Officer, Center for Studies in History and Culture, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Address: Minin and Pozharsky Sq., 10/1, Nizhny Novgorod, Russian Federation 603950

E-mail: kigor55@mail.ru

Book Review: *Alexei Miller, Kirill Solovyev* (eds.) *Rossijskaja imperija mezhd reformami i revoljucijami, 1906–1916* [The Russian Empire between Reforms and Revolutions, 1906–1916] (Moscow: Kvadriga, 2021) (in Russian).